

Василий Майер
Солнце

В

зените

18+

Цикл солнца

Василий Майер

Солнце в зените

«Автор»

2026

Майер В.

Солнце в зените / В. Майер — «Автор», 2026 — (Цикл солнца)

Когда-то за пределами города были фермы. Там паслись стада, текла вода, люди не знали голода. Теперь животные болеют. Стада редеют. Болезнь, которую никто не может объяснить, меняет привычный уклад. Элита молчит. Храм готовит новые ритуалы. Стражник Закар не верит, что его наставника убили дикие. Он начинает расследование — и натывается на тайну, которую власть имущие предпочли бы похоронить. Гвира, его подруга детства, служит в храме. Ей кажется, что она может изменить систему изнутри. Но правда, которую она узнаёт, оказывается сложнее, чем она думала. Город сжимается. Солнце жжёт всё сильнее. Закар ищет ответы. Гвира ищет своё место. А животные продолжают исчезать.

© Майер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: «УТРО»	5
ГЛАВА 2: «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ»	13
ГЛАВА 3: «СЛЕД»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Василий Майер

Солнце в зените

ГЛАВА 1: «УТРО»

Утро начиналось с колокола.

Первый удар утонул в песке, не долетев до дальних стен. Второй покатился над крышами, сбил с карнизов сухую грязь. Третий затих где-то в Лабиринте, так и не найдя слушателей.

Закар стоял в проходе между казармой и внешней стеной и слушал, как тишина возвращается. Колокол бил не к началу дня — он бил тревогу. Знали об этом только те, кто умел различать удары. Простой народ считал — просто время. Стражники знали: что-то случилось.

Форма сидела на нём как влитая. Новая — выдали вчера, к первому дню самостоятельных патрулей. Чёрная ткань с медными заклёпками, на плечах — нашивки, означавшие ранг. На груди — знак солнца: круг с расходящимися лучами, выбитый по металлу. Тяжёлый. Горячий уже с утра.

Он провёл пальцем по лучу, поправил перевязь с палкой — та самая, с голубым наколочником, что была током.

— Закар, — окликнули сзади.

Он обернулся. Иона — молодой, веснушчатый, с вечно сбившимся набок шлемом — бежал к нему.

— Идём. Нахаша нашли.

В храме колокола не было. Здешнюю тишину нарушал только шорох босых ног по камню да далёкий звон медных чаш.

Храм стоял на самом высоком холме элитного района, но внутри не было величия. Узкие коридоры, петляющие как змеи, вели из одного полутемного зала в другой. Стены из грубо тёсаного камня, кое-где затянутые выцветшими тканями с вышитыми символами солнца — кругами с расходящимися лучами. Многие символы облупились, краска осыпалась, но никто не спешил их обновлять. У жрецов были другие заботы.

Алтарный зал, где Гвира проводила утренние молитвы, представлял собой длинное помещение с низким, давящим сводом. Дышать здесь было трудно. Воздух, казалось, никогда не поступал снаружи — тяжёлый, пропитанный запахом старого ладана, пота и ещё чего-то кислого, тошнотворного. В углах громоздились каменные чаши с пеплом. На стенах висели светильники — масляные лампы, которые жрецы зажигали лишь для вечерних служб. В осталь-

ное время храм освещался только редкими лучами, пробивавшимися сквозь узкие щели под потолком.

Зал был настолько душным, что пот выступал на коже уже через минуту после входа. Жрецы говорили — это священный жар, дыхание солнца, очищающее верующих. Гвиря знала другое: здание построили на сквозняке, но через сотню лет вентиляцию завалило песком, и теперь единственное, что двигало воздух, — это редкие, слабые порывы ветра, пробивающиеся сквозь щели в стенах.

Так было не всегда. Старые записи, которые она видела в приделе, упоминали о подземных тоннелях, тянущих прохладу из глубин. Теперь тоннели засыпаны, а жрецы твердили о благодати.

Гвиря вытерла лоб ладонью. Плат намок, прилип к вискам. Она терпела. Все терпели. Тех, кто падал в обморок во время молитвы, наказывали — меньше еды, меньше воды. «Слабые духом не угодны солнцу», — говорил Авигодор. Гвиря ни разу не упала. Она научилась не показывать слабость.

В центре зала возвышался алтарь. Чёрный камень, отполированный временем и прикосновениями. По краям — желобки, назначения которых Гвиря не знала. И не хотела знать.

Она стояла перед алтарём, опустив голову, и ждала, когда рыхлая старуха с седыми пучками на голове закончит молиться. Жрица по имени Шуламит закончила. Повернулась, оглядела присутствующих мутным глазом.

— Мясо сегодня не раздавать, — сказала она. — Авигодор ждёт гостей.

— Каких гостей? — спросила одна из младших, не поднимая головы.

— Таких, — отрезала Шуламит. — Не твоего ума дело.

Гвиря почувствовала, как по спине пробежал холод. Авигодор редко принимал гостей. А если и принимал, то всегда после этого что-то случалось. С прошлого раза, когда в храм приходили люди в чёрном, пропал младший жрец по имени Йоэль. Никто не спрашивал куда. Никто не вспоминал.

Гвиря вспомнила. И не забыла.

Тело лежало у стены, раскинув руки, как будто обнимало небо.

Закар подошёл не сразу. Сначала просто смотрел — на старую, выцветшую форму, на седую щетину, на руки в шрамах, которые учили его не моргать, когда режешь живое. Нахаш лежал на спине. Глаза открыты, смотрят вверх. Того самого солнца, которому он служил всю жизнь, сейчас не было видно — оно поднялось выше и ушло за карниз.

— Кто нашёл? — спросил Закар.

— Патрульные, — Иона стоял чуть поодаль. — Думали, пьяный. А он

Он замолчал. Закар кивнул.

Тело не тронуту. Если бы это были дикие — они бы забрали мясо. Здесь не было ничего. Ни следов крови, ни рваных ран. Только чистая, аккуратная смерть. И тишина.

Закар опустился на колени. Руки не дрожали — он заставил их не дрожать.

Обыскал карманы. В одном — пусто. В другом — пусто. В третьем, во внутреннем, пальцы нащупали что-то твёрдое, круглое, тяжёлое.

Он вытащил предмет. Металлический диск с потускневшим стеклом и двумя тонкими стрелками, застывшими на месте.

— Что это? — спросил Иона.

Закар не ответил. Он держал находку в ладони и чувствовал — она не простая. Такие не носят просто так. Нахаш прятал её. Знал, что она у него есть.

Колокол ударил снова.

— Надо идти, — сказал Иона.

Закар сунул предмет во внутренний карман формы. Поднялся.

— Никому не говори.

— О чём?

— Об этом. Никому.

Разговоры в трапезной стихли, когда вошла Гвира.

Она села в дальний угол, взяла миску с мутной похлёбкой и кусок серого, сухого хлеба. Мясо было. Много. Розоватые ломтики, чуть влажные, разложенные на деревянном блюде. Гвира смотрела на них и не могла есть.

— Ты чего? — спросила Тамар, поддвигаясь ближе.

— Не голодна.

— А ты не чувствуешь?

— Что?

— Вкус. Он странный.

Тамар откусила кусочек, прожевала, пожала плечами.

— Обычный. Ешь, Гвира. Не задавай вопросов.

Гвира не стала есть. Она смотрела, как другие жрецы и жрицы уминают мясо, как обли-
зывают пальцы, как улыбаются, набивая животы. В улыбках этих было что-то нечеловеческое.
Или слишком человеческое. Она не могла понять.

Она поднялась из-за стола, вышла в коридор.

В казарму Закар вернулся, когда солнце уже поднялось настолько, что тени исчезли.

Он сел на койку, достал находку, положил перед собой. Круглый предмет. Тяжёлый.
Странный. Никогда не видел таких. Стрелки не двигаются. Стекло треснуто. Металл потуск-
нел от времени. Но вещь была сделана рукой мастера — такого, каких в городе не осталось.

Сзади послышались тяжёлые шаги. Закар не обернулся — знал, кто идёт.

— Дай посмотреть, — сказал Аарон, останавливаясь рядом.

Старый стражник протянул руку. Закар отдал находку. Аарон повертел её, поднёс к свету,
постучал ногтем по стеклу.

— Я такие раньше встречал, — сказал он. — В старых руинах, за южным кварталом.
Люди находили и боялись.

— Что они делают?

— Ничего. Они просто есть. Как камни. Как песок. — Аарон вернул находку. — Но твой
наставник не носил бы мёртвую вещь просто так. Значит, она была ему нужна.

— Для чего?

Аарон посмотрел на него долго. Потом сказал:

— Не лезь, мальчик. Нахаш умер, потому что лез. Хочешь жить — забудь.

Старик вышел. Закар остался сидеть.

Через час его вызвал начальник патрулей.

Кабинет был маленький, душный, с одним окном, выходящим в глухую стену. На столе —
стопка бумаг, глиняная кружка с тёплой водой. Начальник сидел, не поднимая головы. Закар
ждал у порога.

— Закрой дверь, — сказал начальник.

Закар закрыл.

— Ты нашёл тело?

— Да. Нахаша.

— И что ты видел?

Закар помолчал.

— Странное, — ответил он. — Не похоже на диких.

— Я не спрашиваю, на кого это похоже, — начальник поднял голову. Глаза у него были маленькие, бледные, как у рыбы. — Я спрашиваю, что ты видел.

— Тело. Старый стражник. Нет следов насилия.

— Значит, дикие, — начальник откинулся на стуле. — Дело закрыто. Похороните.

— Но

— Вопросы?

Закар стиснул зубы. Он был моим отцом. Но не сказал.

— Вопросов нет.

— Свободен.

Закар вышел. Во дворе его ждал Иона.

— Ну что?

— Ничего, — ответил Закар. — Они не хотят искать.

— А ты?

Закар посмотрел на небо. Оранжевое, чужое, давящее.

— Я хочу.

Гвира спустилась в боковой придел, где хранились старые свитки.

Здесь пахло плесенью и временем. Свитки рассыпались в руках, пергамент крошился, чернила выцвели. Никто не приходил сюда. Никто не помнил, что здесь есть. Кроме неё.

Она сняла один, самый старый, на котором ещё можно было разобрать хотя бы несколько букв. Пергамент был толстым, грубым, на обороте виднелись разводы воска — печати, которые никто уже не умел читать. Она развернула его осторожно, боясь, что края рассыплются.

Текст был на древнем языке. Гвира знала его плохо — в храме учили лишь самые общие молитвы. Буквы, похожие на крючки и завитки, складывались в звуки, которых никто уже не произносил.

Она узнала только одно слово. Его вырезали на алтаре, его шептали в ритуалах, его вышивали на облачениях высших жрецов. Четыре буквы, которые означали «солнце». Или «свет». Или «жизнь» — никто не знал точно. Гвира провела пальцем по чернилам и прошептала:

— Йихбе.

Звук повис в сыром воздухе. Слово, которое не произносили вслух без нужды.

Она попробовала читать дальше, но смысл ускользал. Отдельные слова выпрыгивали из текста — «вода», «кровь», «жертва», — но складывались в предложения, которых она не понимала.

Но цифры она поняла. Их писали не буквами — значками, которые не изменились за сотни лет. Кто-то записывал животных. Коровы, свиньи, собаки, даже крысы. Цифры начинались с какой-то даты, которую она не могла прочесть, и тянулись десятками лет. До этого — ничего.

Будто раньше жертв не было вовсе.

Гвира нахмурилась. Жрецы учили, что жертва всегда была частью ритуала. Что солнце с самого начала требовало крови. Но свиток молчал.

И вдруг — одно слово, которое она узнала. Не по учёбе — по разговорам в трапезной, по шёпоту старых жриц.

Шамеш.

Она не знала, что это значит. Но оно было выведено крупно, на полях, другим почерком, будто кто-то хотел запомнить. Или предупредить.

— Что ты там делаешь?

Гвира обернулась. В дверях стояла Тамар.

— Ничего. Ищу старые молитвы.

— И нашла?

— Нет.

Тамар посмотрела на неё долго, потом кивнула.

— Идём. Нам скоро на вечернюю службу. Авигдор будет проверять.

Гвира вернула свиток на место, задвинула его поглубже.

Они встретились у старой лестницы после заката.

Место было нехорошее. Здесь когда-то жили бедные, потом их выселили, дома разобрали, остались только ступени, уходящие в никуда. Никто не ходил сюда. Идеальное место, чтобы никто не подслушал.

Закар пришёл первым. Гвира появилась через несколько минут, закутанная в тёмный плащ.

— Ты один? — спросил он.

— Одна.

Они не виделись несколько месяцев — с тех пор, как она ушла в храм, а он получил форму.

— Нахаша убили, — сказал Закар.

— Я знаю. Мне жаль.

— Я должен найти убийцу.

— Начальство сказала — дикие.

— А ты веришь?

Гвира промолчала. Закар вытащил находку, протянул ей.

— Ты знаешь, что это?

Она взяла. Круглая, тяжёлая, холодная. Треснутое стекло, застывшие стрелки, странные знаки на ободке — такие же, как в свитках.

— Нет, — сказала она. — Никогда не видела.

— А твои жрецы?

Она вспомнила свитки. Грубый почерк. Слово «Шамеш» на полях.

— Может быть, — сказала она. — Я поищу.

— Ищи, — кивнул Закар. — Но никому не говори.

— Ты уже это говорил.

— Повторю.

Он забрал находку, спрятал за пазуху.

— Будь осторожна, Гвира. В городе беспокойно.

— В городе никогда не бывает спокойно. Просто мы не всегда это замечаем.

Ночью Закар не спал.

Лежал на койке, смотрел в потолок, слушал, как дышат другие стражники. Иона спал, свернувшись калачиком. Закар завидовал ему.

Находка лежала под подушкой. Он вытащил её, поднёс к свету. Странные знаки, застывшие стрелки, треснутое стекло. Бесплезная, мёртвая вещь. Но Нахаш носил её с собой.

Зачем?

Он положил находку обратно, закрыл глаза.

«Солнце не выбирает, кого греть, — вспомнил он слова наставника. — Оно светит на всех. Наша работа — такая же».

Работа, которая стоила ему жизни.

В храме тоже не спали.

Гвира сидела на лежанке, прислонившись спиной к стене, и смотрела в темноту.

Шамеш.

Что это могло означать? Имя? Название? Знак?

Она повторяла его про себя, пока звук не потерял смысл.

Завтра она вернётся в забытый придел. Достанет тот свиток — и другие.

И если тайна существует — она её найдёт.

ГЛАВА 2: «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ»

На рассвете колокол зазвонил снова.

Другим боем — не тревожным, а тягучим, мерным, таким зовут не живых, а провожают уходящих. Закар узнал этот звон. Он слышал его много раз. Сколько — не помнил. Коротким — для прачки из казармы, длинным — для старого стражника, которого разорвали дикие. Сегодня колокол бил особенно долго, будто не хотел замолкать.

Закар стоял в строю вместе с другими стражниками. Новая форма стягивала плечи, натирала шею. Он стоял, чуть согнув левое колено — песок просел, и он боялся пошевелиться. Начальник патрулей запрещал двигаться. «Замрёте, как статуи. Это честь для Нахаша. Не опозорьте его».

Закар не опозорил.

Он смотрел прямо перед собой и слушал, как колокол бьёт по утрамбованному песку, по раскалённым стенам, по лицам стражников, которые стояли справа и слева.

Площадь перед храмом была полна.

Толпа теснилась у ограды, проникнуть внутрь могли только избранные. Стражники, жрецы, советники элиты — все в чёрном, все с опущенными головами. Простой народ остался за верёвками, натянутыми между кольшками. Их пускали на такие церемонии редко — только когда хоронили кого-то достаточно важного, чтобы показать величие храма.

Закар увидел Гвиру. Она стояла среди младших жриц, в белом платке, скрывавшем волосы. Её лицо было спокойным, почти каменным. Только глаза двигались — быстро, жадно, будто запоминали каждую деталь.

Иона стоял справа от Закара. Заметно нервничал — то сжимал, то разжимал кулаки.

Тело Нахаша лежало на помосте отдельно от других.

Их было больше двадцати. Мужчины, женщины, дети — те, кто умер за последние дни, принесли рано утром. Свалили в кучу у края ямы. Без имён, без почёта. Кто они — стражники, дикие, просто люди с окраин, — никто уже не помнил. Их бросят в трубу первыми, и они уйдут, к солнцу, раньше, чем кто-то успеет прочесть хотя бы общую молитву.

Нахаша принесли отдельно. Помост для него сколотили из старых досок, накрыли выцветшей тканью. Форму не стали снимать — старую, бледную от времени, с заплатками. Солнце всё равно заберёт. Стражники умирали в том, в чём жили.

Руки сложили на груди, вложили в них деревянный посох — гладкий, лёгкий, выточенный из светлого дерева. Рядом, на подушке, положили палку с голубым наконечником — ту самую, боевую. Её должны были забрать после церемонии. Такие вещи не ломали и не хоронили. Они переходили к другим.

Закар смотрел на это лицо и не узнавал его. При жизни Нахаш был жёстким, с острым взглядом. Теперь морщины разгладились, кожа обвисла, и он стал похож на всех мертвецов, которых Закар видел в трущобах. Обычный, слабый, мёртвый.

Верховный епископ поднялся на ступени храма.

Голос его звенел в сухом воздухе, как натянутая струна.

— Мы возвращаем тебя, Нахаш. Мы возвращаем тебя солнцу, которое ты хранил при жизни. Прими его, о свет, прими того, кто не знал страха.

Толпа замерла. Кто-то коснулся лба, груди, плеч, изображая ладонью солнечный круг.

Закар не шевелился.

— Кто скажет слово? — епископ обвёл взглядом собравшихся.

Он знал этого мальчишку. Знак солнца на груди не скрывал происхождения. Кожа, обожжённая ещё в детстве, глаза, которые смотрели слишком прямо для человека из низшего сословия. Епископу было гадко, что этот выродок будет говорить на похоронах. Но Нахаш настоял. Составил завещание. Епископ скривился, но промолчал.

— Я, — сказал Закар.

Он поднялся на помост, встал рядом с телом. Смотрел на лица — стражники, жрецы, советники. Никто не смотрел на него прямо. На лицах советников читалась всё та же брезгливость.

— Нахаш учил меня не бояться, — начал Закар. Голос прозвучал глухо, будто он говорил из-под воды. — Не бояться боли, не бояться темноты, не бояться смерти.

Он говорил и смотрел на песок под ногами. У края ямы, у самой трещины, копошилась крыса. С облезлой шерстью, один глаз мутный. Больная. Она тащила кусок хлеба, спотыкалась, но не останавливалась.

— Он говорил: «Солнце не выбирает, кого греть. Оно светит на всех». Мы — стражники — не выбираем, кого защищать. Мы защищаем всех. Даже тех, кто этого не заслуживает.

Закар посмотрел на советников. Они стояли, не двигаясь.

— Нахаш был моим отцом. Не по крови. По выбору. И я буду помнить его, пока жив.

Он сошёл с помоста. Епископ кивнул — коротко, сухо, будто отдал честь собаке.

Больше речей не было.

Епископ не стал приглашать советников, не стал слушать жриц. Нахаш получил своё слово. Остальные двадцать с лишним мертвецов так и остались безымянными.

— Солнце, прими своих слуг, — произнёс епископ, и слова его упали в тишину.

Стражники подхватили мешки с телами и понесли к трубе — чёрному жерлу, уходящему глубоко под землю. Её не было видно из-за помоста, но Закар знал, что она там. Широкая, с ржавыми краями, из которой тянуло холодом даже в самый жаркий день. Туда сбрасывали мёртвых. Туда же, по слухам, уходила отработанная вода и кровь жертвенных животных.

Нахаша понесли последним.

Четверо стражников в чёрном подхватили тело, подняли на плечи. Понесли к трубе. Остановились у края. Епископ поднял руку.

— Возвращаем тебя.

Тело скользнуло вниз. Исчезло в темноте.

Закар смотрел, как его отца забирает чёрная пасть, и не чувствовал ничего.

Рядом, на подушке, осталась лежать боевая палка с голубым наконечником. Её забрал начальник патрулей. Взял, не глядя, сунул под мышку и ушёл. Закар смотрел на это и вдруг понял, что Нахаш умер окончательно. Не тогда, когда его бросили в трубу. А сейчас. Когда его оружие перешло к другому.

Толпа начала расходиться. Жрецы уходили первыми, стражники оставались дольше — стояли у края ямы, смотрели на дым, молчали. Кто-то из советников, проходя мимо Закара, сплюнул на песок. Закар не обернулся.

Гвира стояла среди младших жриц, смотрела на то, как все расходиться. Площадь наполнило запахом палёной плотию, маслом и чем-то сладковатым, от чего кружилась голова. поднимался всё выше, и она думала: сколько их уже ушло в эту трубу? Сотни? Тысячи? И все они — Нахаш, и те, двадцать безымянных, и животные, которых приносили в жертву, — все они становились частью солнца. Кормили его. Успокаивали.

— Жертва принята, — сказал епископ.

И тогда небо изменилось.

Сначала просто стало темнее. Гвира подняла голову — облака, которых не было с утра, сгустились над храмом. Серые, тяжёлые. Потом упала первая капля.

Толпа замерла.

Кто-то закричал, кто-то упал на колени, протягивая руки к небу. Епископ замер с поднятой рукой — Гвира запомнила это на всю жизнь: его лицо было не благоговейным. Оно было испуганным.

Дождь. Настоящий дождь, не слабая морось, не туман, не роса.

Вода лилась с неба, как будто кто-то прорвал плотину.

Гвира стояла под ливнем, подставив лицо, чувствуя, как смывает пот, пыль, тяжесть утраты. Тамар плакала, смеялась, кружилась под дождём.

— Солнце приняло его! — кричала она. — Солнце приняло!

Гвира не знала, правда ли это. Но она тоже улыбнулась. Потому что стоять под дождём и не улыбаться было невозможно.

Закар не пошёл под дождь.

Он стоял под навесом казармы, смотрел, как вода льётся с крыш. Люди бежали по улицам, выкрикивали молитвы. Кто-то плакал, кто-то смеялся.

Он чувствовал, что этот дождь — не просто дождь. Это прощание. Нахаш не умел говорить ласковых слов, не любил обнимать. Но этот дождь шёл так, будто старый стражник решил высказаться напоследок. Закар стоял у стены и слушал, как капли бьют по железу, по камню, по песку. И ему казалось, что он всё ещё рядом. Что он просто ушёл за угол и скоро вернётся — хмурый, молчаливый, с палкой в руке. Скажет: «Чего встал? Работать надо».

Но он не вернётся.

Закар достал из кармана часы. Провёл пальцем по треснутому стеклу, по застывшим стрелкам. Он покажет их Гвире. Он найдёт правду.

Дождь всё лил.

Вечером того же дня, когда дождь наконец кончился и с крыш ещё капало, стражники собрались в казарме.

Поминки по Нахашу были делом негласным. Начальник патрулей не одобрял — говорил, что мёртвым нужен покой, а не пьяные драки. Но старые традиции были сильнее приказов. Те, кто служил с Нахашем, помнили, как он сам справлял тризну по своим товарищам: с вином, с кровью, с боями без правил.

В центре казармы сдвинули столы. Вместо скатерти — грубая мешковина. Вместо свечей — масляные лампы, коптящие на сквозняке. Пахло потом, старым деревом и чем-то кислым — перебродившим, резким.

— Откуда это? — спросил Иона, кивнув на бочонок, который вкатили в комнату двое дюжих стражников.

— Запасы старого Нахаша, — ответил кто-то из ветеранов. — Он ещё много лет назад закупорил. Сказал: «Пригодится, когда меня не станет».

Бочонок был тёмный, дубовый, обтянутый ржавыми обручами. Когда его открыли, по казарме разлился запах — терпкий, сладковатый, с горькой ноткой. Виноград? Ягоды? Закар не знал. В городе не росло ничего, кроме колючек и сухой травы. Откуда Нахаш взял вино —

оставалось загадкой. Говорили, выменивал у фермеров на старые ремни да сушенное мясо. Говорили, сам делал из какого-то редкого корня, который находил в пустошах. Говорили многое. Никто не знал точно.

Вино разлили в глиняные кружки — тёмно-красное, густое, на свету почти чёрное. Кто-то сделал первый глоток, закашлялся, вытер губы рукавом.

— За Нахаша, — сказал седой стражник, поднимая кружку.

— За Нахаша, — повторили остальные.

Закар пил маленькими глотками. Вино обжигало горло, а потом разносило тепло по всему телу. Он почти не пил раньше — не было повода, не было лишней еды, чтобы менять на хмель. Сейчас он пил и чувствовал, как тяжелеет голова, как отпускает напряжение, как мир становится мягче, расплывчатее.

— Традиция, — сказал старый стражник по имени Аарон, поднимаясь из-за стола. — Чтобы кровь Нахаша не остыла. Чтобы его сила перешла к достойному.

Он вытащил из-за пояса палку — ту самую, с голубым наконечником, что забрали с тела Нахаша. Положил на середину стола.

— Будет бой. Кто выстоит — того оружие. Кто упадёт — пусть не обижается.

Стражники одобрительно загудели. Кто-то уже начал скидывать рубахи, оголяя руки, покрытые шрамами. Закар стоял в стороне, не двигаясь. Он видел эти бои раньше — жестокие, грязные, иногда до смерти. Не хотел участвовать. Не чувствовал себя готовым.

Но когда первый боец вышел в центр и обвёл всех вызовом, Закар вдруг понял: он должен. Не ради палки. Ради того, чтобы доказать — себе, Нахашу, этим людям, которые смотрели на него с жалостью и презрением. Он не слабак. Он выжил в трупобах. Выжил в отборе. Выживет и здесь.

Он стянул рубаху через голову. Встал в круг.

Бой длился долго. Закар дрался с тремя — и каждого уложил. Первый попался молодой, горячий, бил без оглядки, открыто — Закар ушёл в сторону, ударил по затылку, и тот рухнул лицом в песок, не успев даже вскрикнуть. Второй был старше, опытнее, бил ниже пояса, норовил схватить, скрутить — Закар вывернулся, поймал его на локте, и когда тот зарычал от боли, добил коленом в живот. Третий — здоровяк, с медными заклёпками на рубахе — молотил как кузнечный молот, без остановки, без жалости. Закар зажался в углу, закрывая голову руками, и ждал, пока тот выдохнется. Дождался. Удар — в солнечное сплетение. Здоровяк осел на колени, выплёвывая слюну.

Закар стоял в центре круга, тяжело дыша, и смотрел на свои руки — костяшки разбиты, кровь стекает по пальцам, капает на песок. В глазах у него мутилось — то ли от усталости, то ли от вина, то ли от всего вместе. Но он держался.

— Кто ещё? — спросил он, обводя взглядом стражников.

Никто не вызвался.

— Тогда палка твоя, — сказал Аарон и кивком велел подать оружие.

Но в этот момент в круг вышел он.

Закар не видел таких старых людей. Ему говорили, что человеку за шестьдесят — это уже редкость. Солнце выжигало кости, люди старели быстро, мало кто доживал до пятидесяти. А этот этот выглядел так, будто ему не было и сорока. Гора. Настоящая гора. Широкий, массивный, с руками толщиной с бревно. Седая щетина, коротко стриженные волосы, глубокие морщины вокруг глаз. Он двигался тяжело, но уверенно — каждый шаг отдавался в земле.

— Пусти-ка, парень, — сказал он голосом, похожим на скрип несмазанной телеги.

Закар хотел возразить, но Аарон перебил:

— Это Ноах. Хозяин ферм. Он служил с Нахашем. Имеет право.

Ноах кивнул, потянулся, разминая шею. Он не снял рубаху — толстую, кожаную, из грубых шкур. Закар вдруг подумал, что с такой одеждой человек должен задыхаться от жары. Но Ноах, кажется, не замечал.

— Начнём? — спросил он и шагнул вперёд.

Закар не успел отреагировать. Удар пришёлся в плечо — словно кувалдой по мясу. Он отлетел к стене, ударился затылком, сполз на пол. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли оранжевые круги.

Но он встал.

Второй удар — в корпус. Закар согнулся, выплёвывая воздух, но не упал. Уцепился за край стола, поднялся.

— Крепкий, — услышал он голос Ноаха, полный одобрения. — Ты первый, кто поднялся после моего удара.

Третий удар не пришёлся. Закар нырнул под руку, пропустил её над собой, ударил в ответ — в бок, в рёбра. Ноах крикнул, но даже не покачнулся. Схватил Закара за шиворот, приподнял, занёс кулак.

И вдруг опустил.

— Хватит, — сказал он. — Доказал.

Один из стражников подал ему кружку. Ноах отпил, крикнул, вытер рот тыльной стороной ладони. Оттолкнул Закара — тот упал на колени, хватая ртом воздух. Кровь текла из разбитой губы, смешиваясь с потом и пылью. Но он улыбался — потому что понял: старик не добил. Потому что уважал.

Аарон протянул ему палку. Закар взял, почувствовал в руке тепло, знакомое с детства. Оружие, которое носилось на поясе, которое било током, которое было единственной защитой между жизнью и смертью. Теперь оно его.

— Пейте, — сказал Ноах, поднимая кружку, и все облегчённо засмеялись, зашумели, отводя взгляды от разбитых лиц, от крови на песке.

Вино лилось в кружки, кружки осушалось, и гул голосов становился всё громче, всё пьянее. Кто-то затянул песню — старую, стражницкую, про солнце и прощальный бой. Закар сидел в углу, прислонившись к стене, и смотрел на палку, лежащую на коленях.

Ноах нашёл его позже, когда гости начали расходиться. Сел рядом, тяжело дыша — не от усталости, скорее привычка такая.

— Ты молодец, парень, — сказал он. — Нахаш гордился бы тобой.

— Он не верил в гордость, — ответил Закар. — Говорил, что это обуза.

— Правильно говорил. — Ноах помолчал. — Я видел его незадолго до смерти. Заходил на ферму. Спрашивал, не замечал ли я чего странного. Говорил, что расследует одно дело.

— Какое?

— Не сказал. Сказал, что не уверен. Сказал, хочет проверить сам. Сказал: «Если я прав, то это перевернёт всё».

Ноах отпил из кружки, вытер рот рукавом.

— А потом его нашли мёртвым.

— Вы думаете, он что-то нашёл?

— Думаю, он нашёл то, за что его убили, — Ноах посмотрел Закару прямо в глаза. — Он говорил про трущобы. Про заброшенные части города. Говорил, что туда нужно сходить, проверить один слух.

— Какой слух?

— Не знаю. Мне не сказал. Боялся, что я тоже под удар попаду.

Ноах поднялся, с хрустом разминая колени.

— Ты должен пойти туда, парень. Там, может, найдёшь ответы. Или найдёшь то, что убило его.

— Я пойду, — сказал Закар.

— Знаю, — Ноах кивнул. — Потому и говорю.

Он хлопнул Закара по плечу — так, что тот едва не свалился с лавки.

— Береги себя. Такие, как ты, долго не живут.

— Нахаш прожил долго.

— Нахаш был старый, злой и упрямый, — усмехнулся Ноах. — Это разные вещи.

Он ушёл, и его массивная фигура растворилась в темноте.

Закар остался сидеть, сжимая в руке палку.

Трущобы. Зброшенные части города.

ГЛАВА 3: «СЛЕД»

Закар проснулся затемно.

В казарме было тихо — только храп, только скрип половиц под чужими телами, только редкое шипение масляных ламп, которые догорали в углах, отбрасывая на стены дрожащие, маслянистые тени. Он лежал на жёсткой лежанке, смотрел в потолок, слушал биение собственного сердца. Ровное. Спокойное. Такое же, как всегда.

Иона спал рядом, свернувшись калачиком, подложив под щеку сложенную куртку. Его лицо, освещённое слабым огнём последней лампы, было безмятежным. Закару на миг стало завидно. Иона ничего не искал. Иона ничего не терял. Иона просто жил — ел, пил, нёс службу, не задавая вопросов.

Закар не мог так.

Он сел, свесил ноги с лежанки, нащупал сапоги. Натянул их, затянул ремни. В углу, в тайнике под половицей, лежали запасы. Он вытащил две лепёшки — одну, вторую, завернул в тряпицу, сунул за пазуху. Флягу с водой повесил на пояс. Оружие — палку с голубым накопником — пристроил на привычное место, за спину. Нож — в голенище правого сапога.

Никто не проснулся. Никто не спросил, куда он собрался.

Он вышел во двор, когда первые лучи солнца только коснулись крыш. Воздух был ещё прохладным — редкая роскошь в этом городе. Через час он станет тяжёлым, горячим, как из печи. Закар глубоко вздохнул и зашагал прочь.

Он шёл туда, где кончался город. Не сразу — сначала петлял между домами, где стены ещё держались, а тряпки над головой давали тень. Потом дома стали ниже, крыши провалились, тряпки истлели, и солнце начало жечь по-настоящему.

Закар хорошо помнил эти места. Пятнадцать лет назад здесь ещё жили люди — небогатые, но не голодные. Ремесленники, торговцы, те, кто работал на элиту. Дома были целыми, на улицах не лежал песок по колено, а из труб шёл дым — кто-то готовил еду, кто-то грел воду, дети играли в «пять камней» прямо на мостовой.

Теперь трубы торчали пустыми, как высохшие ветки. Дома развалились, песок засыпал нижние этажи, и кое-где из-под него виднелись только крыши да обломки стен. Люди ушли. Кто-то умер, кто-то перебрался ближе к центру, где солнце ещё не выжгло всё до тла. Город сжимался, как старая кожа на кости. Раньше стражники патрулировали и эти кварталы. Теперь даже они сюда не заходили — не было смысла. Некого защищать, нечего охранять.

Он прошёл мимо старой пекарни, где когда-то пекли хлеб для всей округи. Теперь здание стояло пустым, окна забиты досками, дверь заперта на ржавый замок. Песок набился в щели, и кое-где из-под крыши торчали пучки сухой травы — единственная зелень, какую можно было найти в этом городе. Закар остановился на секунду, припомнил запах свежего хлеба, который раньше разносился на квартал. Сейчас здесь пахло только пылью и тленом.

Дальше — дом кожевника. Тот ещё держался, когда Закар был маленьким. Хозяин, толстый, с вечно красным лицом, торговал ремнями и подошвами для стражников. Теперь и дом, и хозяин исчезли — то ли умер, то ли ушёл, спасаясь от голода. Закар не знал. И не хотел знать.

Он шёл, и с каждым кварталом улицы становились уже, песок глубже, дома ниже. Люди попадались реже, и те, что попадались, не смотрели ему в глаза. Худые, сгорбленные, они передвигались медленно, как больные мухи. У одного из колодцев он заметил старуху. Она сидела на камне, опустив голову, и медленно, очень медленно вращала ворот. Ведро поднималось пустым — вода кончилась лет пять назад. Но она продолжала крутить, как будто не замечая.

— Воды нет, — сказал Закар, останавливаясь.

Старуха подняла голову. Глаза у неё были мутными, белыми почти, взгляд блуждал где-то в стороне, не фокусируясь на лице Закара. Она смотрела сквозь него, будто он был призраком.

— Была когда-то, — ответила она. Голос сухой, шелестящий, как песок. — Много лет назад. Дожди часто шли. Каждую неделю. Колодцы не пересыхали. Люди не боялись смотреть вверх.

Закар помолчал.

— А сейчас?

— Сейчас не бояться нечего, — старуха усмехнулась, показав беззубый рот. — Воды нет, дождей нет. Только песок. Раньше солнце висело высоко. Мы его боялись, но оно было далеко. А теперь оно подбирается ближе. С каждым годом ближе.

Она замолчала, уставилась в пустоту. Закар хотел спросить ещё, но понял, что старуха уже не слышит его. Она снова начала крутить ворот, ведро поднималось пустым, и обречённый скрип колодезного колеса разносился над пустынными улицами. Закар сунул ей лепёшку — последнюю, оставленную для себя. Всё равно у него были две.

Она взяла, не глядя, сунула за пазуху. Продолжала крутить.

Песок здесь был глубже — ноги утопали по щиколотку, а то и по колено. Дома стояли без крыш, стены в трещинах, некоторые рухнули вовсе. Когда-то здесь кипела жизнь — Закар помнил, как бегал по этим улицам, как прятался в подворотнях, как воровал лепёшки с чужих столов.

Он остановился у полуразрушенного здания, где когда-то жил. Или нет? Все дома в трущобах были одинаковыми — грязными, тесными, пропахшими сыростью и бедностью. Низкие дверные проёмы, маленькие окна, забитые тряпками. Земляные полы, покрытые слоем сухой грязи.

Закару было одиннадцать, когда Нахаш нашёл его. Не десять, как он думал раньше. Одиннадцать. Он уже был достаточно взрослым, чтобы уметь убивать, и достаточно маленьким, чтобы не бояться смерти.

В тот день он сидел в подворотне, поджав колени к груди, и слушал, как урчит в животе. Еды не было три дня. Вода кончилась ещё раньше. Он был слаб, зол и готов на всё. Когда стражник показался в конце улицы, Закар не испугался. Он подобрал камень, сжал его в потной ладони и бросился вперёд.

Удар пришёлся в плечо.

Стражник даже не покачнулся.

Закар замер, ожидая пощёчины, удара палкой, пинка. Но ничего не последовало. Стражник просто стоял, смотрел сверху вниз, и в его глазах не было ни злобы, ни жалости. Только спокойствие.

— Живучий, — сказал он. — Идёшь со мной.

Закар тогда не понял. Думал — сейчас его отведут в яму, засыпят песком, сожгут. А его привели в казарму. Накормили. Дали воды. Сказали: «Будешь жить здесь».

Нахаш. Первый взрослый, который не ударил. Который не отнял последнее. Который просто сказал: «Идёшь со мной».

Закар тряхнул головой, прогоняя воспоминание. Время прошло. Нахаша нет. А он стоит посреди трущоб, в которых вырос, и не знает, что ищет.

Слова Ноаха: *«Он говорил про трущобы. Про заброшенные части города»*. Вот и всё. Ни адреса, ни имени, ни примет. Закар надеялся наткнуться на что-то — на свидетеля, на обрывок разговора, на крик о помощи. Может, повезёт. Может, нет.

Он пошёл дальше.

Дети выскочили из тени, как крысы из норы.

Их было семеро. Грязные, худые, с глазами, в которых не осталось ничего детского. Камни, палки, кусок ржавого железа. Самому старшему — лет двенадцать, не больше. У одного не хватало нескольких зубов, у другого был заросший глаз, третий — совсем кроха, лет пяти, держал осколок стекла и смотрел на Закара с такой ненавистью, что становилось не по себе.

— Стоять, — сказал старший. Голос низкий, хриплый, как у взрослого, который курит с десяти лет. — Есть чего?

Закар остановился. Медленно поднял руки, показывая, что не намерен нападать первым.

— Ничего, — ответил он. — Я не за едой.

— А за чем?

— Ищу человека. Стражника. Старого. Был здесь пару дней назад.

Мальчик усмехнулся, сплюнул на песок. Окурок плевка повис в воздухе густой ниткой.

— Стражники сюда не ходят. А если ходят, то не уходят.

— Этот ушёл.

— Значит, не нашли.

Он шагнул вперёд, и остальные двинулись следом. Закар вздохнул. Он не хотел драться. Вспомнил себя в этом возрасте — такого же голодного, злого, готового убить за кусок хлеба. Но эти дети были не он. У них не было Нахаша.

— Я не хочу драться, — сказал он.

— А мы хотим, — ответил мальчик и замахнулся.

Первый удар пришёлся в плечо. Закар не увернулся — не успел. Камень был острым, разорвал рукав, оцарапал кожу. Боль отрезвила, убрала лишние мысли. Он ударил в ответ — в челюсть. Мальчик отлетел, но не упал, только сплюнул кровь. Остальные набросились.

Закар не считал ударов. Просто двигался — уходил в сторону, бил, уклонялся, бил снова. Чей-то крик, хруст кости, чьи-то пальцы, вцепившиеся в его рукав. Он отшвырнул нападавшего, тот ударился о стену и сполз вниз. Двое отступили. Ещё двое продолжали лезть. Закар сломал руку одному — тот заорал и откатился в сторону. Второго отбросил ногой в живот.

И тогда кинулся самый маленький. С осколком стекла, зажатым в кулаке. Закар перехватил его руку на лету. Маленькие пальцы дрожали, глаза были полны слёз, но не страха — злости. Слепой, животной злости голодного зверька.

— Отпусти его, — прохрипел старший, поднимаясь с песка. Разбитая губа распухла, кровь текла по подбородку.

Закар разжал пальцы. Отпустил. Ребёнок отскочил, забился в угол, сжимая стекло в дрожащей руке. Он не ударил больше.

И тут же — глухой удар.

Один из детей, тот, что отступал раньше, метнул камень. Попал не в Закара. Попал в самого маленького.

Ребёнок охнул. Покачнулся. Упал лицом в песок. Из-под головы медленно растеклась тёмная лужа.

Тишина. Никто не кричал. Никто не двигался.

Закар не сразу понял, что произошло. Он смотрел на лежащее тело и не мог поверить. Мальчик, который только что держал в руке стекло, который кинулся на него с ненавистью, — лежал неподвижно.

— Он не должен был умирать, — сказал кто-то из детей. Голос был тихим, растерянным.

— Заткнись, — ответил старший. Но голос его дрогнул.

Закар опустился на корточки. Тронул пальцами шею ребёнка. Ничего. Ни пульса, ни движения. Кожа уже начала холодела под его пальцами, но он всё равно держал руку, надеясь на чудо, которого не случится не будет.

Он не знал его имени. Никто не знал. Ни у кого из этих детей не было имён — только клички, если повезёт. А у этого, наверное, не было даже клички. Просто «маленький».

Закар поднялся. Достал из-за пазухи одну лепёшку — ту, которую нёс для себя. Положил на камень рядом с телом. Отступил на шаг.

— Нахаш здесь был? — спросил он, не глядя на детей.

— Кто? — переспросил старший.

— Стражник. Старый. С которым я говорил.

Мальчик помолчал, вытер лицо рукавом.

— Был один. Два дня назад. Спрашивал про подвалы.

— Где они?

— За старым колодцем. Там лестница вниз. — Он кивнул куда-то в сторону, не поднимая глаз.

Закар посмотрел на лепёшку, на детей, на тело. Потом перевёл взгляд на старшего.

— Заслужили, — сказал он.

Развернулся и пошёл прочь. Не оглядываясь.

Он свернул за угол и остановился. Вздохнул, прижавшись спиной к стене. В голове всё ещё стоял тот глухой удар. И лицо ребёнка, упавшего лицом в песок.

Из-за угла донеслись голоса. Он осторожно выглянул. Дети возились с телом. Самый старший взвалил его на плечи, двое других поддерживали с боков. Они потащили маленького прочь. Не к камням, не в тень — куда-то в глубь развалин, где Закар не мог их видеть.

В трущобах ничто не пропадает даром, — подумал он. И почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Он проглотил её и пошёл дальше.

Старый колодец был сухим, засыпанным песком почти до краёв. Когда-то он давал воду целому кварталу. Теперь о нём забыли. Рядом — провал в земле, лестница, вырубленная в

камне, уходила вниз. На ступенях лежал толстый слой пыли, но кое-где он был сметён — кто-то спускался сюда недавно.

Закар посмотрел на лестницу, прикидывая, стоит ли лезть без света. Лампы у него не было. Только палка с голубым наконечником, которая могла гореть недолго — если рискнуть включить её на полную мощность.

Он включил.

Наконечник засветился бледно-голубым, выхватывая из темноты каменные ступени, стены в подтёках, низкий потолок. Света хватит ненадолго. Закар решил, шагнул вниз.

Подвал был старым, гораздо старше домов наверху. Здесь когда-то располагались казармы для стражников, охранявших эту часть города. Закар видел такие помещения раньше — в других развалинах, куда его водил Нахаш. Высокие потолки, широкие коридоры, комнаты для отдыха. Всё разрушено, засыпано песком, почти неразлично.

Но стены здесь были не из простого камня — из чего-то другого, чего Закар не мог назвать. Металл? Пластик? Он не знал таких слов. Просто провёл рукой по поверхности и почувствовал холод. Странный холод, который не имел ничего общего с тенью.

Он прошёл вперёд. Коридор свернул налево, потом направо, вывел в небольшую комнату. Здесь было темно. Голубой свет заметался по стенам, выхватывая грубо сколоченный стол, табурет, низкую койку, застеленную ислевшим тряпьем. И стены, увешанные листками бумаги.

Закар подошёл ближе.

На столе лежала потрёпанная тетрадь — листы, сшитые грубыми нитками, с твёрдой обложкой, исписанные мелким, торопливым почерком. Закар узнал его. Нахаш. Он открыл тетрадь. Буквы прыгали, строки сливались. Смысл ускользал.

Он не умел читать. Нахаш пытался научить его когда-то.

— Зачем мне это? — спросил Закар, отодвигая глиняную дощечку.

— Затем, что грамотный живёт дольше неграмотного, — ответил Нахаш, не поднимая головы.

— Я стражник, а не писарь.

— Стражник, который не умеет читать, рано или поздно подпишет себе смертный приговор. Потому что не поймёт, что написано.

Закар не послушал. И теперь жалел.

Он перелистывал страницы, пытаясь уловить знакомые знаки. Некоторые слова он всё же узнавал. «Нахаш» — своё имя, выведенное крупно, размашисто. «Закар» — своё имя. «Вода»

— это слово он знал по вывескам на колодцах. «Кровь» — это тоже знал, хотя оно писалось иначе, древними буквами, которые Нахаш называл «первоязыком».

Он провёл пальцем по строчке, разбирая слово. Похоже на «дам». Наверное, так когда-то произносили «кровь».

Больше он не понимал ничего. Остальное было чёрной стеной.

Закар выругался сквозь зубы, захлопнул тетрадь и сунул её за пазуху.

На стенах висели листки. Тоже с записями. Тоже бесполезными. Он снял их все, свернул в трубочку, спрятал в карман. В углу нашёл обрывок карты — старый, жёлтый, с отметками. Храм. Какие-то точки на окраине. Ещё один листок, отдельный: дата, которую он не понял, и два слова. «Осмотр завершён — перенос отменён. Объект остаётся».

Он не знал, что это значит. Но чувствовал — важно.

Обыскал комнату ещё раз — заглянул под койку, проверил ящики стола, постучал по стенам. Ничего. Только пыль, только песок, только время, которое всё стёрло.

Он выключил голубой свет, оставив только тусклое свечение наконечника, и полез наверх.

Воздух ударил в лицо горячей волной. Солнце стояло в зените, жгло немилосердно. Песок под ногами был горячим, воздух плавился, дрожал над крышами.

Дети разбежались. Тело ребёнка исчезло. Никто не ждал его, никто не окликнул. Закар постоял с минуту, глядя на старый колодец, на провал, из которого только что выбрался.

Теперь он знал: Нахаш был здесь. Что-то искал. Что-то нашёл. И не успел.

Он потрогал тетрадь под курткой, провёл пальцем по обрывкам бумаги в кармане. Несколько листов, пара клочков карты, обрывки фраз. Этого мало. Но это хоть что-то.

Закар медленно побрёл обратно, в сторону храма.

— Гвира, — сказал он тихо. — Ты мне нужна.

Гвира сидела в забытом приделе, прижимая к груди обрывок ткани.

Она проводила здесь всё свободное время. Сразу после утренней молитвы, перед вечерней службой, в обеденный перерыв — как только выдавалась свободная минута. Свитки пылились, рассыпались в руках, чернила выщвели, пергамент крошился. Но она всё равно переби-рала их, страницу за страницей, строку за строкой.

Она искала слово «Шамеш».

Оно встречалось несколько раз — на полях, другим почерком, будто кто-то делал пометки. Рядом с ним стояли другие слова, знакомые и не очень. «Вода» — это она узнала.

«Кровь» — это тоже узнала. Древнее слово «дам», которое в старых текстах означало не просто кровь, а нечто большее — может, родство. Может, жертву.

Рядом с одним из узкоспециализированных упоминаний стояло слово «башан». Сын.

Гвира не понимала. Язык древних был труден, многие слова утратили значение, а те, что сохранились, обросли новыми смыслами. Она не могла быть уверена, что её перевод правильный. Но чувствовала — это важно.

Шамеш — рядом с водой. Шамеш — рядом с кровью. Шамеш — рядом с сыном.

Что это могло значить?

Она переписывала знаки на обрывок ткани, который носила с собой — под платком, у самого сердца. Буквы получались кривыми, неуклюжими. Она не умела писать так, как древние писцы. Но хотя бы так — чтобы не забыть.

— Ты здесь, — раздался шёпот.

Гвира вздрогнула. Тамар стояла в дверях, бледная, с расширенными глазами.

— Шуламит тебя ищет. Она злая сегодня. Что-то случилось в храме, не знаю что, но она рвёт и мечет.

— Сейчас уйду.

Гвира засунула свитки подальше, засыпала песком, чтобы не бросались в глаза. Спрятала ткань за пазуху, под плат.

— Ты что там ищешь? — спросила Тамар.

— Ничего.

Тамар не поверила. Но не спросила больше. Они вышли вместе, свернули в боковой коридор. Шуламит прошла мимо, не заметив — старая, слепая, погружённая в свои мысли. Гвира выдохнула.

— Сегодня вечером я уйду из храма, — сказала она.

— Зачем?

— Нужно.

Тамар посмотрела на неё долго, потом кивнула.

— Будь осторожна. Тебя могут не пустить обратно.

— Знаю.

Они встретились у старой лестницы, когда солнце уже садилось. Оранжевый шар висел низко, отбрасывая длинные, искажённые тени. Песок, нагретый за день, еще не остыл до конца, и от земли поднималось едва заметное марево.

Закар пришёл первым. Гвира появилась через несколько минут, закутанная в тёмный плащ — тайком, чтобы никто не увидел младшую жрицу в трущобах.

— Ты что-то нашёл? — спросила она, не здороваясь.

— Да, — Закар вытащил тетрадь из-за пазухи. — Записи Нахаша. Я не могу их прочитать.

Гвира взяла тетрадь, осторожно открыла, насколько позволяли потрёпанные листы. Водила пальцем по строчкам, шевелила губами, иногда останавливалась, перечитывала. Лицо её было сосредоточенным, почти суровым.

— Здесь многое непонятно, — сказала она после долгого молчания. — Язык старый, слова изменились, некоторые я не понимаю вовсе.

— Что ты поняла?

Она пролистала дальше, нашла нужное место.

— Он пишет про трущобы. Про то, что хотел проверить один слух. Про какие-то старые тоннели, которые ведут за пределы города.

— За пределы?

— Да. Там, — она подняла глаза на Закара. — За стенами.

Закар помолчал.

— Что там?

— Не знаю. Нахаш не успел написать. Только пометка: *«Был там. Всё хуже, чем мы думали»*. И ещё одно слово — «Шамеш».

— Шамеш. То же самое, что на той вещи.

— Я видела его в свитках, — Гвира покачала головой. — Не знаю, что оно значит. Может, «солнце». Может, «свет» или «Божество». Или что-то ещё.

Она закрыла тетрадь, протянула обратно.

— Ты должен пойти туда, Закар. За стены. Посмотреть, что там. Может, найдёшь ответы.

— А ты?

— Я буду копать здесь. В храме. В свитках. Может, найду что-то, что Нахаш упустил.

Она посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде было что-то такое, от чего у Закара заныло под ложечкой — не страх, но предчувствие. Тяжёлое, липкое, как та кровь на песке.

— Будь осторожен, — сказала она. — Я не знаю, что там, за стенами. Но знаю — отсюда никто туда не ходит.

— Я вернусь, — сказал Закар.

— Надеюсь.

Она ушла, растворилась в темноте. Закар остался стоять, сжимая в руке тетрадь.

В казарме было тихо.

Закар лежал на лежанке, смотрел в потолок и слушал, как дышат другие стражники. Иона спал, свернувшись калачиком, его грудь мерно вздымалась и опускалась. Кто-то в углу бормотал во сне, кто-то скрипел зубами.

Закар не спал. Тетрадь лежала под подушкой. Он знал, что не сможет её прочитать, но всё равно иногда вытаскивал, листал, водил пальцем по строчк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.